

Художник и город

Валентина АЗАРКОВИЧ

Дарованию одного из старейших московских художников Сергея Авксентьевича Коляды свойственны два качества, нашедшие в его искусстве счастливое и редкостное единение: одухотворенная поэтичность и трезвая рациональность восприятия окружающего мира. Эти свойства дарования живописца наиболее полно проявились в пейзажах, посвященных уходящей Москве. Тема старой столицы родилась не вдруг. Он хотел успеть запечатлеть то, что уходило навсегда.

Когда бульдозеры мощным кольцом окружили ветхие приземистые домишки плотно застроенного квартала близ Москвы-реки, неподалеку от древних развалин стены Китай-города, необходимо было спешить. Этюды этой поры стремительны, динамичны, предельно точны. Таково небольшое полотно "Ломают Зарядье". Это своего рода документ времени, беспристрастный и объективный ходожественный репортаж. В то же время в лаконичной композиции этюда, в его благородном сумрачно-охристом колорите словно бы затаилась душа обветшалых, обжитых строений, отданная им людьми, прожившими здесь жизнь.

В пейзажах Москвы, создаваемых вот уже на протяжении трех десятилетий С.Колядой, напрасно было бы искать парадных ансамблей столицы. Его душе дороже тихие улицы, переулки, тупики. В них-то как раз и ощущает художник не показную — подлинную жизнь города. Она вовсе не такая бурная, как может показаться приезжим туристам, которых возят по определенным, обкатанным маршрутам. Быт москвичей, несмотря на, казалось бы, унылые ритмы времени, тяготеет к несуетной созерцательности, покою, задушевному общению. Жизнь большого, многомиллионного города

Москва уходящая

Культура. — 1995. — 12 авг. — с. 8.

художник видит не панорамно и со стороны, а изнутри. Она оживает под кистью мастера то в сочных красках летнего полдня, то в грустных тонах дождливой осени.

• Я — старый москвич. Дух и быт Москвы был моим духом и бытом, — писал Сергей Коляда в эссе "Моя Москва". — Когда я смотрю на старый дом, то вижу давнего друга. Он мне рассказывает о своем прошлом, счастье и горестях, а порой даже об унижении и несправедливости. Он жалуется, плачет, ранит мою душу. Я его понимаю, ему сочувствую, с ним горюю.

Обилие архитектурных пейзажей Коляды не утомляет глаз, не притупляет восприятия. И многие произведения несут в себе открытия. Маршруты делового москвича практически монотонны: служба, жилье, редкие поездки к друзьям и знакомым, а они живут уже в отдаленных новых районах. Бродить бесцельно по улицам некогда. Сколько людей спешат в Третьяковскую галерею и не видят прекрасную церковь Николы на Ма-

лой Ордынке. Она прячется за домами совсем близости.

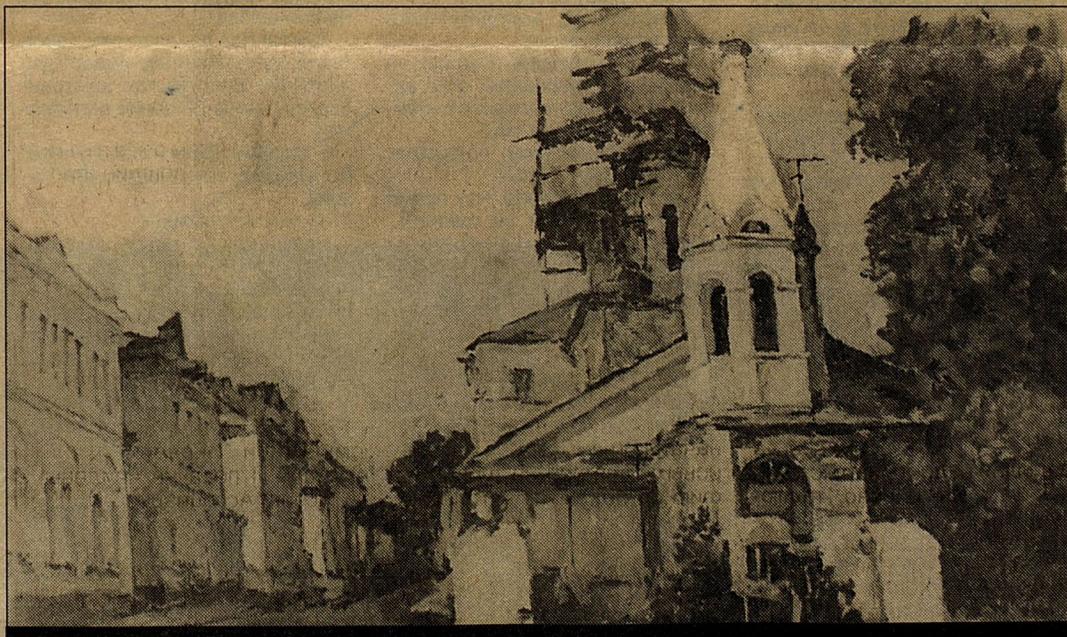
Церковь Николы художник написал со строгой и благородной простотой, обстоятельно передав ее плавно перетекающие объемы, от низких, вросших в землю апсид восточного фасада до закомар, похожих на кокошники, и луковичных куполов на стройных барабанах. Прозрачна голубизна неба, ветви старых деревьев словно растворяются в теплых потоках весеннего воздуха — здесь и восторг перед совершенным творением древних зодчих, и восхищение дивным состоянием природы в погожий день, и чувство истории. На тихой улочке нынче увидишь лишь редких прохожих, а в XIV столетии тут пролегла дорога в Золотую Орду.

Аналитик и романтик, пылкий исследователь и человек, влюбленный в столицу, где он родился и вырос, где сложилась его судьба, Сергей Авксентьевич Коляда неотделим душой от взрастившего его города. "В каком неоплатном долгу я перед тобой, Москва!" — искренне восклицает художник. Однако как же много он успел сделать, чтобы сохранить для новых поколений облик безвозвратно ушед-

шей старой Москвы, ставшей за последние годы огромным мегаполисом.

Среди лучших работ живописца — "Ульяновская улица", идущая от церкви Сергея Радонежского близ Спасо-Андроникова монастыря до Яузы, "Троицкий переулок" с уникальным деревянным домом, "Новоспасский монастырь. Собор Преображения Господня", не однажды запечатленная на холстах массивная башня "Дуло", оставшаяся от разрушенного в тридцатые годы Симонова монастыря.

Цветовая гамма полотен художника разнообразна и богата. В его картинах оживает навеки утраченное прошлое, многое, к счастью, продолжает жить, а в живописи Коляды обретает новую ипостась своего нынешнего существования. Живописец, глубоко любящий родной город, сделал все возможное, чтобы память сердца всех, чья судьба соприкоснулась с Москвой, была жива. Сейчас многим улицам Москвы вернули их прежние названия. Новые поколения вместе со старожилками уже говорят — Остоженка, Пречистенка, Знаменка. Это вселяет надежду: память не вытравить, она неистребима.

С.Коляда. Малое Вознесение